

От «НОВОГО ДВОРЯНСТВА» к КГБ

В 2006 году проект “Новое дворянство” достиг максимального расцвета. Концепция этого проекта была сформулирована Владимиром Путиным и его преемником на посту директора ФСБ Николаем Патрушевым. В июле 1999 года Путин, тогда еще директор ФСБ, отвечал на вопросы в редакции газеты “Комсомольская правда”. Один из вопросов звучал так: “Высказывается подозрение: не устроите ли вы и ваши приятели военный переворот?” Путин ответил: “А зачем нам устраивать переворот, когда мы и так у власти?”¹ В декабре того же года Путин пошутил на коллегии ФСБ: “Группа сотрудников ФСБ, отправленная вами в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется”.

Ровно через год, в декабре 2000 года — к этому времени Путин уже стал президентом — традиционное интервью по случаю очередной годовщины основания ЧК дал той же газете Николай Патрушев, недавно назначенный Путиным на пост директора ФСБ. Вот как он отозвался о сотрудниках ФСБ:

“Не хочу говорить высокие слова, но наши лучшие сотрудники, честь и гордость ФСБ, работают не ради денег. Когда мне приходится вручать нашим ребятам правительственные награды, я внимательно глядя в их лица. Высоколобые интеллектуалы-аналитики, широкоплечие обветренные бойцы спецназа, молчаливые взрывотехники, строгие следователи, сдержанные опера-контрразведчики... Внешне они разные, но есть одно важное каче-

ство, объединяющее их, — это служивые люди, если хотите, современные «неодворяне»”².

Было ясно, что в правление Путина сотрудникам ФСБ и бывшим сотрудникам КГБ предстоит исполнять в обществе новую роль.

Путь наверх

Прежде всего, бывшие и действующие офицеры стали главным кадровым резервом президента для назначения на должности в госаппарате и госкорпорациях. Сергей Иванов, бывший сотрудник внешней разведки КГБ, стал заместителем премьер-министра. Бывший офицер КГБ Виктор Иванов был назначен заместителем руководителя администрации президента, а затем возглавил службу по контролю за оборотом наркотиков. Владимир Шульц, бывший замдиректора ФСБ, вошел в руководство Российской академии наук. Телекоммуникационный бизнес крупнейшей российской бизнес-империи “Альфа-Групп” возглавил бывший замдиректора Федеральной службы охраны Анатолий Проценко. Владимир Якунин, бывший офицер разведки КГБ, стал президентом ОАО “Российские железные дороги”. Юрий Заостровцев, бывший начальник службы экономической безопасности ФСБ, стал заместителем председателя правления Внешэкономбанка — главного агента государства по обслуживанию государственного долга и управлению Пенсионным фондом. Этот ряд можно продолжать — схема воспро-

изводилась на нижних уровнях, майоры и полковники занимали позиции в небольших компаниях и в среднем звене государственного аппарата.

Во-вторых, ФСБ как спецслужба была быстро избавлена от участия в навязанной Ельциным конкуренции между разными спецслужбами за доступ к президенту и политическое влияние. К 2003 году главный конкурент ФСБ — Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ) — было разделено на две части и ФСБ поглотила главную из них. Кроме того, в состав ФСБ были включены пограничные войска, и к тому же службе были даны расширенные функции по контролю над другими силовыми и правоохранительными ведомствами, включая армию, а во главе МВД был поставлен генерал ФСБ Рашид Нургалиев. В самой спецслужбе была создана своя внешняя разведка.

Предполагалось, что, получив столь широкие полномочия, ФСБ и ее сотрудники обеспечат эффективную охрану и стабильность политического режима и станут его главной опорой. В январе 2007 года Путин объявил о значительном увеличении финансирования ФСБ.

При этом концепция “нового дворянства” ни в коей мере не означала ни возрождения КГБ, ни возвращения к советской модели отношений власти, общества и спецслужб.

Партийные чиновники слишком хорошо помнили сталинские репрессии, поэтому возможности Комитета государственной безопасности прямо влиять на принятие решений в стране были изначально ограничены: Комитет госбезопасности не имел права заниматься аналитикой (первое аналитическое управление КГБ было создано в 1989 году), а сами органы госбезопасности находились под жестким партийным контролем. Положение о Комитете государственной безопасности, утвержденное в 1959 году, гласило: “Партийные организации... обеспечивают развитие деловой критики и самокритики. Партийные организации и каждый коммунист имеют право... сигнализировать о недостатках в работе органов госбезопасности в соответствующие партийные органы”. Все ключевые назначе-

ния внутри спецслужб проходили согласование в административном отделе ЦК. ФСБ же путинского образца получила полноценный аналитический аппарат и, избавившись от какого бы то ни было внешнего контроля, могла наслаждаться статусом полной неприкосновенности.

“Новое дворянство”, таким образом, было собственным изобретением Путина — новый российский президент плохо понимал, как работало советское государство, но, возможно, верил в миф о “лучших людях страны”, который тщательно создавался под руководством Юрия Андропова в конце 70-х — начале 80-х с помощью фильмов и книг.

К 2006 году ФСБ получила все, о чем только могли мечтать в кабинетах Лубянки. Спецслужбу даже избавили от ответственности за провалы в борьбе с терроризмом на Кавказе: сначала в МВД было передано руководство Региональным оперативным штабом в Чечне (его руководителем стал замминистра), а в 2006 году был принят основной антитеррористический закон “О противодействии терроризму”, который прямо указывал, что терактом могут считаться только такие действия, которые несут опасность подрыва стабильности в стране или отдельном регионе³. Таким образом, даже такие теракты, как подрывы смертников (к таким точечным атакам перешли исламисты на Северном Кавказе в середине 2000-х), по новому закону можно было не считать терактами.

При этом в том же году ФСБ было выдано право проводить ликвидации за рубежом⁴.

Символическое значение 2006 года для российских спецслужб было усилено введением новой формы для ФСБ, ФСО, ГУСП и СВР: вместо формы зеленого цвета (как у военных) с голубой полосой, сохранившейся еще со сталинских времен, “новые дворяне” получили от Владимира Путина форму черного цвета⁵.

Черный цвет никогда не пользовался популярностью у спецслужб, однако решение Путина имело глубокий смысл: это был намек на тот момент в ходе Гражданской войны, когда в Белой армии, проигрывавшей войну большевикам, для поднятия боевого духа были сформированы офицерские полки, основным цветом которых стал черный.

Офицеры носили черные мундиры, что подчеркивало их отрешенность от мирских благ, и отличались исключительной набожностью. Таким был полк генерал-лейтенанта Сергея Маркова, который именовался “братством рыцарей-монахов, принесших свою волю, свою кровь и свою жизнь на алтарь служения России”.

Закат

Однако за все годы расцвета, вплоть до 2007 года, ФСБ не добились больших успехов в решении главной задачи, возложенной на спецслужбу, — “лучшие люди” страны, “новые дворяне” не смогли помочь Кремлю справиться с теми вызовами, которые путинское окружение считало угрозой политической стабильности режима.

Двухтысячные прошли под знаком “цветных революций”. Для Кремля это стало новой “гонимой вооружений” с США: кремлевским обитателям казалось, что Госдепартамент постоянно ищет способы вывести людей на улицы — главным образом с помощью международных неправительственных организаций, которые ранее занимались подготовкой молодежных движений, ставших драйверами революций в Белграде, Киеве и Тбилиси. Кремль отчаянно искал адекватные контрмеры. Ими стали поправки к закону о некоммерческих организациях, принятые в декабре 2005 года⁶, и создание прокремлевских молодежных движений — однако оба решения были предложены не силовиками, а политическим крылом госаппарата.

О том, что Путин перестал доверять выстроенной им конструкции, стало известно в октябре 2007 года, когда разразился скандал вокруг Федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотиков (ФСКН). Начальник департамента оперативного сопровождения ФСКН Александр Бульбов был арестован сотрудниками ФСБ, и вскоре выяснилось, что таким образом на Лубянке ответили на попытку ФСКН влезть во внутренние дела ФСБ. Как оказалось, Путин поручил директору ФСКН Виктору Черкесову заняться расследованием коррупции внутри ФСБ. По-

добная попытка вернуться к методам 90-х, чтобы поставить ФСБ под контроль через конкурирующее ведомство, по всей видимости, означает, что бесконтрольность ФСБ начала представлять для Путина проблему. Однако после всех ранее проведенных президентом реформ такая попытка могла кончиться только поражением — ФСБ давно была неоспоримо главной спецслужбой страны. Черкесов попытался сопротивляться, вспомнил еще об одном забытом методе 90-х — обращении к прессе — и опубликовал в газете “Коммерсантъ” письмо, в котором призывал “воинов” не превращаться в торговцев и клеймил междоусобицу, которая разрушила “чекистское единство советских времен”⁷.

Но правила давно изменились — вскоре Черкесов потерял свой пост, а его заместитель Бульбов на два года оказался в тюрьме.

Между тем проблема управляемости ФСБ и, как следствие, ее эффективности осталась не решенной. Однако после скандала с Черкесовым Путин больше не пытался организовать “внешний аудит” Лубянки. Вместо этого он выбрал другой способ.

Теперь, когда в Кремле убеждались, что существующие силовые структуры не способны эффективно противодействовать политическим угрозам, принималось решение о создании новых, дополнительных организаций с репрессивной функцией.

В июне 2007 года был резко усилен Следственный комитет; ведомство стало фактически независимым от Генеральной прокуратуры, его возглавил Александр Бастрыкин, знакомый Путину по Санкт-Петербургу, но никогда не служивший в КГБ или ФСБ.

В следующем, 2008, году в составе МВД был создан департамент по противодействию экстремизму с сетью региональных “Центров Э” по всей стране — фактически еще одна тайная полиция, с функциями, дублирующими функции ФСБ. В этом же году Патрушев покинул пост директора ФСБ; его заменил Александр Бортников.

Переход власти к преемнику — появление в Кремле Дмитрия Медведева вместо Владимира Путина — практически ничего не изменил в этой схеме. Спецслужбы остались в подчинении у Путина. Впрочем, инициатива

самого Медведева в силовой сфере лишь усиливала авторитарные тенденции Путина. Команда Медведева, заинтересованного в том, чтобы сменить скомпрометированную войной в Чечне терминологию “войны с террором”, провозгласила приоритетной борьбу с экстремизмом как более приемлемую для западных партнеров. Однако технология “антиэкстремизма” — с упором на “превентивные меры” — стала дальнейшим ужесточением контроля над обществом. Антиэкстремизм предполагал создание “черных списков” потенциальных нарушителей спокойствия⁸.

В 2014 году фактически еще одним силовым ведомством стали казаки — Путин подписал закон, давший казакам право самостоятельно (без полицейских) следить за правопорядком на улицах⁹.

Наконец, в апреле 2016 года была создана Национальная гвардия, еще одна силовая структура, призванная обеспечить политическую стабильность внутри страны силовыми методами¹⁰.

Кризис 2011-2012 годов и ответ “нового дворянства”

К политическому кризису 2011 года спецслужбы подошли в ситуации серьезного внутреннего конфликта. Этот конфликт усиливался с середины 2000-х и был вызван менеджерскими ошибками руководства спецслужб. Прежде всего это касалось системы поощрений.

Если в системе КГБ генералы и занимали дачи на Рублевке, эти дачи оставались ведомственными, то есть после отставки их нужно было освободить. В середине 2000-х значительная часть генеральских дач КГБ на Рублевке была передана в собственность высшим офицерам ФСБ, находящимся на службе на тот момент. Возмущение полковников и майоров вызвал не только сам факт раздачи многомиллионных подарков, но и очевидная несправедливость — и недальновидность: для нового поколения генералов участков на Рублевке уже не осталось, а это подрывало систему мотивации внутри спецслужбы.

Еще одним поводом для трений между генералами и средним офицерским составом

стала практика прикомандирования сотрудников в госструктуры и госкорпорации. Если прикомандированные молодые полковники обычно сохраняют лояльность ФСБ, так как рассчитывают вернуться и продолжить карьеру в спецслужбе, то генералы, получающие места в крупных компаниях, рассматривают их как последнее место службы и легче поддаются соблазну забыть об интересах спецслужбы ради интересов нового босса.

Коррупционированность генералов стала постоянной темой для обсуждения внутри спецслужбы, а количество исков от офицеров к руководству ФСБ по поводу маленьких пенсий и неполученных квартир постоянно росло.

Однако главным поводом для внутреннего конфликта стала кадровая политика Владимира Путина. Большую часть руководителей спецслужб он назначил в начале 2000-х, выбирая при этом людей своего возраста. Многим из них к 2011 году было около или более 60-ти лет. Было очевидно, что, пока путинские назначенцы контролируют спецслужбу, шансы на получение новых должностей для среднего звена активных и инициативных офицеров невелики. Кроме того, еще летом 2010 года был запущен слух, что в Кремле якобы существует список из то ли двенадцати, то ли шестнадцати генералов ФСБ, предназначенных “на вылет”. Поскольку несколько важных генералов действительно потеряли свои посты (например, начальник Следственного управления ФСБ Николай Олешко, начальник Научно-технической службы Николай Климашин, замдиректора ФСБ Вячеслав Ушаков), это окончательно парализовало ситуацию внутри спецслужбы.

Вдобавок к скрытому недовольству “застоем” на Лубянке возник кризис доверия между руководством и средним звеном, что, в свою очередь, снижало эффективность ФСБ как информационной службы, от которой требуется вовремя предупреждать Кремль о появляющихся угрозах. Возрастной кризис привел к параличу руководителей, а трения между поколениями способствовали пассивности офицеров среднего звена.

“Арабская весна” 2011 года стала для российских властей еще одним этапом “гонки вооружений” между Кремлем и Госдепом —

только на этот раз Госдеп, с точки зрения Кремля, использовал не неправительственные организации или молодежные движения, а доступ в социальные сети. Кремль воспринял эти события как прямую и непосредственную угрозу.

11 февраля 2011 года под давлением протестов в Каире ушел в отставку Хосни Мубарак, правивший Египтом 29 лет. Через десять дней президент Дмитрий Медведев прилетел во Владикавказ на экстренное заседание Национального антитеррористического комитета (НАК), в который входят руководители спецслужб и правоохранительных органов. Обычно на совещаниях НАК председательствовал Бортников, но в тот день место во главе стола занял Медведев. Он начал с описания ситуации на Северном Кавказе, но затем переключился на проблемы Ближнего Востока. «Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире, — сказал он. — Она тяжелейшая. Предстоят очень большие трудности... Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они раньше готовили для нас, а сейчас они тем более будут пытаться его осуществлять. В любом случае этот сценарий не пройдет...»¹¹.

Однако спецслужбы, «новые дворяне» на государственной службе, оказались к этому повороту событий не готовы. Методов противодействия социальным сетям в распоряжении ФСБ не было.

В конце 2011 года в Москве начались протесты, однако все, что смогли придумать в Федеральной службе безопасности — это послать письмо Павлу Дурову, основателю ВКонтакте, с требованием закрыть протестные группы (он отказался); вызвать на допрос родителей Ильи Клишина, создателя и координатора страницы протестных акций в Фейсбуке (не оказало на Клишина никакого воздействия); а также перехватить и слить телефонные переговоры Бориса Немцова перед крупной протестной акцией с целью перессорить лидеров оппозиции (не увенчалось успехом).

Весной 2012 года, через две недели после президентских выборов, первый заместитель директора ФСБ Сергей Смирнов признал, что спецслужбы так и не придумали, как бороться с соцсетями. На заседании региональной

антитеррористической группы Шанхайской организации сотрудничества, включающей Россию, Китай и ряд других государств Центральной Азии, Смирнов заявил:

«<...>западные спецслужбы используют новые технологии для создания и поддержания постоянного напряжения в обществах... Наши выборы, особенно выборы президента РФ и предвыборная ситуация, показали, какие возможности здесь открываются с точки зрения блогосферы».

Смирнов заявил, что необходимо разработать меры, которые позволили бы адекватно реагировать на применение таких технологий, но признал, что эти методы «еще не выработаны»¹².

Когда после акции 6 мая 2012 года Кремль принял решение перейти к репрессиям против протестующих, главная роль в их осуществлении была отведена не ФСБ, а Следственному комитету, который в январе 2011 года был окончательно отделен от Генеральной прокуратуры и получил полностью самостоятельный статус. Для расследования «Болотного дела» была создана, возможно, самая многочисленная команда: к работе было привлечено около 200 следователей СКР.

Летом 2012 года Кремль разработал ряд мер, которые должны были помочь установить контроль над Рунетом. Данный подход включал в себя внедрение Интернет-цензуры по всей стране и широкомасштабную кампанию запугивания Интернет-компаний -- как российских, так и глобальных (См. статью Андрея Солдатова «Укрощение интернета» в *Контрапункте*, №1, сентябрь 2015). Однако и на этот раз решение было предложено не спецслужбами, а политическим крылом Кремля — сотрудниками администрации президента и чиновниками Минсвязи и Роскомнадзора.

Конец проекта

Начиная с осени 2015 года Кремль сделал множество резких, зачастую хаотичных движений, призванных, судя по всему, отмотобилизовать госаппарат и региональные элиты перед

выборами. В ход пошли самые разные способы — от адресных репрессий до отставок старых друзей президента. Уже в первые месяцы этого нового разворота во внутренней политике оказалось, что Путин меняет правила взаимодействия со спецслужбами.

Федеральная служба безопасности, проявившая редкую пассивность во время протестов 2011–2012 годов, вдруг получила несколько новых замов: в апреле 2015 года контрразведывательный главк спецслужбы возглавил Владислав Меньшиков, бывший начальник Главного управления спецпрограмм президента, а в декабре 2015 года заместителем директора ФСБ стал Игорь Сироткин, до этого курировавший экономическую безопасность в Санкт-Петербурге. В результате спецслужба резко активизировала борьбу со шпионами и по количеству арестованных по соответствующим делам быстро вышла на уровень шпиономании конца 90-х — начала 2000-х. Вскоре спецслужба была брошена на проведение адресных репрессий в госаппарате. Практически во всех расследованиях громких уголовных дел 2016 года — от губернаторов до офицеров МВД — ФСБ играла ключевую роль.

Это было необычно: ведь, согласно прежней модели, адресными репрессиями должны были заняться вновь созданные ведомства — например, Нацгвардия; именно такой, старой логикой объясняются возникшие слухи о том, что Нацгвардия может быть использована в качестве “новых опричников” (этого не случилось).

Одновременно с усилением активности ФСБ незаметно утратила функцию, приобретенную еще во время первого президентского срока Путина: Лубянка перестала поставлять кадры для госаппарата и госкорпораций. Назначенцев из ФСБ сменили офицеры другой спецслужбы — Федеральной службы охраны, то есть люди, лично известные президенту. Алексей Дюмин стал губернатором Тульской области, Дмитрий Миронов возглавил Ярославскую область, Евгений Зиничев — Калининградскую (правда, последний уже через два месяца ушел в отставку). Все они служили в недавнем прошлом в Федеральной службе охраны.

Вот как Путин прокомментировал эти на-

значения в сентябре 2016 года:

“Что касается представителей различных спецслужб, Вооруженных сил — никакой новизны здесь нет. У нас не в первый раз, скажем, на уровне руководства регионов выдвигаются представители министерства обороны, Федеральной службы безопасности, не исключением является, скажем, Федеральная служба охраны — чем они хуже? Главное, чтобы человек хотел расти, был бы способен к этому росту, хотел бы служить своей стране на участке работы с более широкими полномочиями и ответственностью. И если он хочет, и я вижу, что у человека есть потенциал, почему нет, он вполне может поработать”¹³.

Одновременно полностью утратил влияние Владимир Якунин — выходец из спецслужб, претендовавший на роль разработчика национальной идеи. Потерял свою должность и Сергей Иванов, глава администрации президента, в 1990-е годы руководивший мозговым центром ФСБ — департаментом анализа, прогноза и стратегического планирования, который поставлял аналитические записки прямо на стол президенту. Если Якунин был идеологом “нового дворянства”, то Иванов мог считаться его главным аналитиком. Теперь, когда оба потеряли свои позиции, лишь Николай Патрушев, автор термина “новое дворянство”, пока сохраняет свой пост секретаря Совета Безопасности — хотя сам термин окончательно исчез из комментариев чиновников и кремлевских политиков.

Таким образом, Путин явно отказывается от замысла, который он пытался реализовать с начала 2000-х, — преобразовать ФСБ в “новое дворянство”, одновременно поставщика кадров и мозговой трест по созданию новой идеологии страны.

Путину понадобилось шестнадцать лет, чтобы разочароваться в этой модели. Отказавшись от нее, он, судя по всему, решил вернуться к советскому опыту, когда спецслужба является “передовым отрядом партии” — то есть действенным, но подконтрольным инструментом политического руководства страны.

Следующим логичным шагом выглядит возрождение полного функционала КГБ.

План, опубликованный в “Коммерсанте” в ночь выборов 18 сентября 2016 года, как раз и выглядит как реализация этого шага — слияние СВР, ФСО и ФСБ, усиление следственного аппарата, наконец, возвращение термина “государственная безопасность”¹⁴.

Эта реформа вряд ли приведет к повышению эффективности спецслужбы; слияние ведомств само по себе не способно ни улучшить координацию между подразделениями, ни повысить качество обмена информацией — главные узкие места современных спецслужб мира. Более того, некоторые идеи прямо противоречат интересам самой ФСБ: у Лубянки давно есть собственная разведка, в которой за эти годы сложилась своя корпоративная культура, и слияние с СВР вряд ли пройдет безболезненно. Бюрократический хаос, который неизбежно последует, скорее парализует спецслужбу и еще сильнее усугубит несоответствие тем требованиям, которые Кремль сегодня предъявляет к госаппарату.

Но, судя по всему, задача создать совре-

менные спецслужбы, которые могли бы отвечать на актуальные вызовы, в настоящий момент даже не ставится. Обновленная модель органов госбезопасности, по-видимому, вполне адекватна той новой концепции взаимодействия Кремля и общества, которая выстраивается в стране после аннексии Крыма. Согласно этой модели госбезопасности отводится роль инструмента Кремля по защите политического режима от всех видов угроз, точно так же, как КГБ СССР был “передовым отрядом партии”. При этом приоритет в ранжировании угроз будет прежде всего зависеть от политической ситуации и интересов режима.

Замена термина “безопасность России” на “государственную безопасность” означает возвращение к тому значению термина, которое оно имело в советские времена, — обеспечение безопасности режима, а не страны и ее граждан.

Примечания

- 1 Гамов А. *Государственный переворот России не грозит {Интервью с Владимиром Путиным}* // Комсомольская правда, 1999. 8 июля. URL: <http://www.kp.ru/daily/25961/2901399/> (доступ 11.11.2016).
- 2 *Директор Федеральной службы безопасности России Николай Патрушев: Если мы “сломаясь” и уйдем с Кавказа — начнется развал страны* // Комсомольская правда. 2000. 20 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/22458/7028/> (доступ 18.11.2016).
- 3 Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ О противодействии терроризму // Российская газета. 2006. 10 марта. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (доступ 23.11.2016).
- 4 5 июля 2006 года Госдума проголосовала за поправки в федеральные законы “О Федеральной службе безопасности” и “О противодействии терроризму”, наделявшие президента РФ правом использовать подразделения ФСБ для борьбы с международным терроризмом за пределами России.
- 5 См. Указ Президента РФ от 28 августа 2006 г. № 921 “О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2005 г. № 531 “О военной форме одежды, знаках различия военнослужащих и ведомственных знаках отличия” // Гарант.ру. 2006. 31 августа. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/89909/> (доступ 23.11.2016).
- 6 Госдума приняла спорный Закон о некоммерческих организациях // Известия. 2005. 23 декабря. URL: <http://izvestia.ru/news/309748> (доступ 18.11.2016).
- 7 Черкесов В. *Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев* // Коммерсантъ. 2007. 9 октября. URL: <http://kommersant.ru/doc/812840> (доступ 18.11.2016).
- 8 6 декабря 2008 года Генеральная прокуратура, ФСБ и МВД утвердили совместное распоряжение – перечень экстремистских угроз. Возглавлял список “экстремизм под прикрытием ислама”, далее значились последователи языческих культов. В перечне также фигурировали “участники молодежных неформальных объединений” и кое-какие радикальные оппозиционные партии и движения.
- 9 *Федеральный закон от 2 апреля 2014 №44-ФЗ “Об участии граждан в охране общественного порядка”* // Российская газета. 2014. 4 апреля. URL: <https://rg.ru/2014/04/04/poryadok-dok.html> (доступ 18.11.2016).
- 10 Указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г. “Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии” // Российская газета. 2016. 7 апреля. URL: <https://rg.ru/2016/04/06/nacgvardiya-site-dok.html> (доступ 18.11.2016).
- 11 *Дмитрий Медведев провел во Владикавказе заседание Национального антитеррористического комитета* // Президент России. 2011. 22 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/10408> (доступ 18.11.2016).
- 12 *ФСБ обещает очистить Рунет от воздействия зарубежных спецслужб* // Ведомости. 2012. 27 марта. URL: http://www.vedomosti.ru/technology/news/2012/03/27/fsb_obeschaet_ochistit_runet_ot_vozdeystviya_zarubezhnykh (доступ 18.11.2016).
- 13 *Путин комментирует Трампа, ОПЕК, Роснефть, Японию {Интервью главному редактору агентства Блумберг Джону Миклтвейту}* // Bloomberg. 2016. 5 сентября. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-05/OD0TQM6S972P01> (доступ 18.11.2016).
- 14 Сергей Иванов усиленно опровергал слухи о возрождении МГБ в своем первом интервью после отставки 18 октября 2016 года. См. Кривякина Е., Кон В. *Сергей Иванов: Никакого Министерства госбезопасности не задумывалось и не будет* // Комсомольская правда. 2016. 18 октября. URL: <http://www.kp.ru/online/news/2542537/> (доступ 18.11.2016).